

Я родился в 1943 году, 23 ноября, в Ленинграде. Блокада была уже прорвана, но ещё не снята. Роддом, где я появился на свет, находился где-то в районе проспекта Газа, недалеко от Нарвских ворот. Мама показывала его мне, но это было давно, когда я был маленький, мне сам этот факт только и запомнился. А вообще в районе проспектов Огородникова, Газа, кинотеатра "Москва" я часто бывал в детские годы: родная тётка Люся, старшая мамина сестра, долго жила с семьей в подвальной комнате на углу улицы Степана Разина и проспекта Огородникова, и мы нередко живали у неё.

Сёстры - тётя Люся и мама (ок.1940 г.)

Когда меня в первый раз после родов вынесли к маме, она расплакалась - уж больно я был страшенький, да к тому же череп мой украшал огромный синий номер, написанный химическим карандашом. Маму уговаривали уморить меня голодом - сама, мол, иначе не выживешь...

О блокаде, о своей молодости, знакомстве с папой мама часто рассказывала мне в моём детстве, и если бы я решился писать об этом при её жизни, то наверняка написалось бы много и романтического, и трагического, и комического. Потом уже, после маминой смерти я записал кое-что со слов папы. Вот история их знакомства.

Папа - курсант ВВМУ им.Фрунзе и мама – девятиклассница

Повстречались они впервые на Кировских островах, в ЦПКиО, на проводах белых ночей 28 августа 1939 года. Папа был тогда курсантом Высшего Военно-Морского Училища имени Фрунзе и с товарищем отправился в увольнительную. В парке они наткнулись на маму, гулявшую с подружкой. Маме не исполнилось ещё и семнадцати лет, школьница из Сестрорецка, откуда в Ленинград надо было добираться поездом. Паровик ходил редко и тащился долго - это не электричка.

Как они познакомились - можно только представлять себе (а мама живописала бы в деталях). Во всяком случае уже на следующий день после знакомства мама поехала на свидание с папой на Финляндский вокзал, а в очередной выходной папа отправился в Сестрорецк, где познакомился со своей будущей тещей, Александрой Владимировной, моей бабушкой. Ей он, видать, понравился - симпатичный парень с усиками, скромный, в форме военно-морского курсанта, было ему тогда 22 года.

Бабушка свиданиям не препятствовала, и в выходные либо мама ездила на танцы в училище, либо папа в Сестрорецк. Запомнилось папе, как он из отпуска (ездил домой, в Грузию) поехал прямо в Сестрорецк. Приехал вечером, пришёл на Красноармейскую, смотрит в окно - мама ест варенье, макая палец в банку. Только что с танцев вернулась, очень их любила.

Бабушка моя смотрела на папу как на жениха дочери (Лильки - так её звали в семье), хотя поклонников у мамы было хоть отбавляй: папа - двадцать первый ("в очко сыграл", по его выражению), он это установил по маминой записной книжке. Мама очень любила знакомиться. Училась она тогда (в 1939-м году) в девятом классе.

Мама в 1939-40 г.г.

Мама в 1937-40 г.г.

Свидания продолжались до лета сорок первого года. Началась война. Последний раз в ещё почти мирное время они встретились перед папиным выпуском - 5-го июля. Папа отвёз в

Сестрорецк чемодан с книгами и армейское одеяло, всё это закопали во дворе вместе с прочим имуществом - ждали немцев.

После училища папу направили в Таллин, но туда ему было уже не пробраться - немцы блокировали Финский залив. Пришлось остаться на Лужской военно-морской базе (Усть-Луга, Ручьи), где некоторое время он служил лоцманом, проводил корабли. Вскоре, однако, немцы выжали наших оттуда, и они на кораблях ушли в Ораниенбаум. Там находилась гидрография Балтийского флота. Гидрография - специальность, по которой папа окончил училище, и с ней была связана вся его последующая многолетняя служба на флоте.

Из Ораниенбаума папе удалось один раз съездить в Сестрорецк, в августе. Мама провожала его обратно в Ленинград, они зашли в ДЛТ, где товаров ещё было много, и папа купил маме "матерьял" на шерстяной костюм. Из Ораниенбаума, который был под угрозой захвата (начались грабежи), но который отстояли ("ораниенбаумский пяточок"), гидрографы перебрались в Кронштадт. Оттуда искали фарватер на Лисий Нос - делали промеры к заброшенному рыбацкому причалу на старом гидрографическом кораблике "Мэрипойк" (папа уверял, что это означает "Морской мальчик"), переименованном в "Теодолит".

Попав в Лисий Нос, папа с товарищем - Васильевым, у которого была девушка в Разливе, отправились искать своих подруг. Фронт был уже рядом с Сестрорецком, жителей которого эвакуировали в Разлив и дальше к Ленинграду - в Тарховку, Горскую, а в Сестрорецке разместились воинские части. Подругу Васильева нашли сразу, она рассказала, где мама - тут же в Разливе. И они встретились. Это было в мамин день рождения, 14 октября, Покров день - действительно, был первый снег. Поговорили, и надо было возвращаться на корабль. Потом они потеряли друг друга.

Будущие гидрографы - Андрей Намгаладзе и Онуфрий Вовк (ок.1940 г.)

На учебном судне "Ленсовет", 1940 г.

Из Лисьего Носа папа вернулся в Кронштадт на обеспечение артиллерии. Их целеотряд располагался в разных точках: на фортах, на кронштадском соборе, там делали засечки вспышек, определяли координаты цели и передавали на КП для подавления.

8-го сентября - первая сильная бомбёжка Ленинграда с пожарами. 15-го сентября - первая бомбёжка Кронштадта. На глазах у папы, в ста метрах от него "Ю-87" спикировал на линкор "Марат". Бомба попала в пороховой погреб. Рассеялся дым, самолёты улетели, на плаву осталась только кормовая часть славного линкора.

Как-то уже зимой, в феврале, когда началась блокада, и из Кронштадта в Ленинград добирались по льду Финского залива через Лисий Нос, папины сослуживцы, моряки-гидрографы возвращались из Ленинграда на грузовике. Возле Лахты им проголосовала тётка какая-то, закутанная в шерстяной платок, в телогрейке, перетянутой армейским ремнем. Её подобрали:

- Давай, бабка, садись!

А бабка оказалась совсем молоденькой девушкой. В разговоре между собой моряки упомянули папину фамилию, и девушка обратилась к ним:

- Вы знаете Андрея Намгаладзе?

- Конечно, служим вместе! А Вы что, знакомая его?

И тут папин однокашник, Смолов, узнал маму:

- Это ты, Лиля?

- Да, я. Что, изменилась сильно?

Мама сообщила ребятам для папы свой адрес, они с бабушкой и маминым младшим братом - моим любимым дядюшкой Вовой по-прежнему жили в Разливе, только в другом доме.

Письма весной не ходили.

Папа по льду залива обходил пешком форты, расположенные на островах, определял координаты наших батарей. Последний из фортов - Первомайский, его видно хорошо из Сестрорецка. Оттуда папа, закончив работу, пошёл пешком через Сестрорецк в Разлив и разыскал там маму.

Дома были бабушка и дядя Вова, который лежал пластом - дистрофия. В свои восемнадцать лет он весил в то время 38 килограммов. Голод. За продуктами в зиму с сорок первого на сорок второй год мама пешком ходила в Ленинград, за тридцать с лишним вёрст! С жутью я слушал потом воспоминания мамы и бабушки о том, как людей уличали в поедании младенцев.

Папа подождал, когда мама придёт с работы из Сестрорецка, с завода имени Воскова (знаменитого оружейного), дождался, встретились, посидели, поговорили... Физически бабушка и дядя Вова очень ослабли, а мама держалась. Папа оставил им свой паёк - гречка, печенье, тушёнка. Это был март.

В апреле папу отозвали из Кронштадта в Ленинград. Он пошёл на Степана Разина навестить Люсю, мамину старшую сестру, и встретил там всех - маму, бабушку, дядю Вову. Мама перевезла их из Разлива на санках. Дядю Вову вскоре забрали в армию. Это спасло его от голода. Перед отправкой на фронт его какое-то время держали в специальном откормочном подразделении, где он просто отъедался, набирал вес. Ушёл в ополчение и муж тёти Люси - дядя Серёжа, Сергей Николаевич Мороз. Чуть ли не в первом же бою под Автово он был ранен, раздробило пятку, всю жизнь потом хромал и бинтовал ногу.

Недолго воевал и дядя Вова: в январе 1943-го года во время наступления на Красное Село, в котором дядя Вова участвовал в составе роты лыжников-автоматчиков, он был ранен осколком мины в плечо навывлет. Началась гангрена руки с кисти, но её удалось остановить без ампутации. Кисть левой руки скрючилась, высохла и превратилась в изогнутую культю, на остатках пальцев которой росли кривые ногти. В детстве я с великим любопытством разглядывал исподтишка эту культю и восхищался, как ловко ею орудует дядя Вова.

В мае 1942-го года мама ушла добровольцем в армию. Провожала её тётя Люся. Дядя Серёжа их сфотографировал, на карточке у мамы очень лихой вид в пилоточке набекрень, с вещмешком через плечо.

А папа в это время был уже на Ладого, в Осиновце. Туда его направили из Ленинграда ещё в апреле. Службу нёс на прокладке с кораблей трубопровода для топлива по Ладого через Шлиссельбургскую губу. И мама волею судьбы оказалась совсем рядом, её 88-й мостостроительный батальон стоял в Морье, в восьми километрах всего от Осиновца. В июле мама написала письмо на папину полевую почту, не представляя, что он здесь поблизости. И папа устроил ей сюрприз - явился к ней в часть. Так они снова нашли друг друга, теперь уже на фронте.

Старшая сестра младшую на войну провожает. 1942 г. Мама в 1943 г.

В конце августа маму перевели на другой берег Ладого, в Лаврово, на лесопильный завод. Осенью папа служил на тральщике (ТЩ-81), который буксировал баржу с кабелем. Кабель, шедший от Волховской ГЭС, прокладывали по дну Ладого от Осиновца до Леднева на другой берег Ладожского озера. Четыре кабеля проложили по ночам без происшествий, а с пятым где-то задержались, и пришлось прокладывать днём. Погода была ясной, и немцы шанса не упустили. Налетели Ю-87 и отбомбились по тральщику.

Папа находился на мостике рядом с командиром корабля. Командира убило. А папа, когда увидел самолёт в пики и вывалившуюся из него бомбу, наклонился и инстинктивно поднял руку, прикрывая лицо. Осколки прошли по касательной к руке, распоров рукав шинели. Два крупных попали в грудь и в живот - слепые проникающие ранения, а мелкие влетели - один в голову, другой в ухо. Сознание папа не терял. Корабль сам дошёл до берега, и папа своим ходом сошёл по трапу на берег. Там его положили на носилки и отправили в полевой госпиталь в Леднево. Сразу же на операционный стол - вынули осколки. Это случилось 30-го октября 1942-го года.

Папу оставили в Леднево, потому что считался тяжело раненым, таких не отправляли в тыл, не доехал бы. Думали вообще, что не выживет - в живот большинство ранений считалось смертельными. Когда оправился немного, началась и три дня мучила страшная икота и рвота чёрным - признаки кризиса. Давали мадеру, оклемался. Стали лечить н о в ы м лекарством - стрептоцидом.

Из госпиталя папа написал маме, она приехала в середине ноября. Папа уже начал потихонечку ходить, 21-го декабря он выписался на амбулаторное лечение и поселился у своего товарища Онищенко "на хате". Мама приезжает туда к нему, там они и поженились. А расписались в 1944-м году, летом.

В марте папу отправили в Осиновец, перед отъездом он навестил маму в Лаврово. В июле сорок третьего года мама демобилизовалась по беременности. Встретились с папой в Осиновце, папа проводил её до Ленинграда, а потом приехал только в конце ноября, когда я появился, и нас с мамой уже выписали из больницы.

(продолжение следует)